

УДК 130.2

ЗАВИСИМОСТЬ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ОТ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕКА

Шандулаева А.И.

ФБГОУ ВПО «Дагестанский государственный университет»

Министерства образования и науки РФ, Махачкала, e-mail: mibil@mail.ru

В процессе познания основные смысложизненные ценности и идеалы формируются как его неотъемлемый компонент и результат. Они зависят от познавательной культуры, фиксирующей многогранность связи познания и истины с другими формами и результатами человеческого духа. Эта зависимость обоснована неразрывной связью правды и истины со смыслом жизни, подтверждаются эпистемологическими концепциями истины, которые предопределяют интерес к исследованию смысла истины как основы человеческого бытия. В них при всех попытках достижения объективности и индивидуальности познания не происходит уничтожение личностных ценностей. А понятие «правда» имеет явно выраженный социальный смысл, связано с признанием соответствующего утверждения социально-значимым, полезным, необходимым, соответствующим требованиям нравственных установок на постижение смысложизненных идеалов.

Ключевые слова: смысл жизни, истина, правда, концепции истины, познавательная культура

DEPENDENCE MEANING OF LIVES VALUES FROM INFORMATIVE CULTURE OF THE PERSON

Shandulayeva A.I.

*Dagestan state university Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Makchachkala,
e-mail: mibil@mail.ru*

In the course of knowledge the main meaning of lifes values and ideals are formed as its integral component and result. They depend on the informative culture fixing versatility of communication of knowledge and truth with other forms and results of human spirit. This dependence is proved by indissoluble communication of the truth and truth with meaning of the life, are confirmed by epistemological concepts of truth which predetermine interest to research of sense of truth as bases of human life. In them in all attempts of achievement of objectivity and outside identity of knowledge there is no destruction of personal values. And the concept «truth» makes obviously expressed social sense, is connected with recognition of the corresponding statement to socially significant, useful, necessary, relevant requirements of moral installations of comprehension of meaning of lifes ideals.

Keywords: meaning of the life, truth, however, truth concepts, informative culture

Смысложизненные ценности – совокупность норм и идеалов, сопоставимых со смыслом жизни человека, опосредованно составивших в своей системной взаимосвязи смысл его бытия. Исторические эпохи разнятся системами ценностей, в том числе смысложизненных, и какой-то устойчивой группы ценностей, значимой для всего человечества в одной и той же иерархии, не может быть. Более того, история человечества дает множество примеров, когда люди отдавали свои жизни или за материальные богатства, или за честь, или за справедливость... То есть смысложизненные ценности в общем-то и универсальны, и особенны, и индивидуальны.

На первый взгляд может показаться, что только поиск ответов на экзистенциальные (не витальные, а главным образом, социальные) вопросы и связывает смысл жизни с человеческим познанием. Но на самом деле в самом процессе познания вопрос о смысле жизни и о счастье встает как его неотъемлемый компонент, обоснование чего и является целью данной статьи.

Наш разум постигает законы мира не ради простой любознательности, но ради практического преобразования и природы, и человека с целью максимально гармоничного его жизнеустройства, и, в конце концов, для достижения смысла его бытия в мире. Знания человечества образуют все более усложняющуюся систему, которая выступает в виде социальной памяти, богатства ее передаются от поколения к поколению, от народа к народу с помощью механизма социальной наследственности и культуры. Но история культуры демонстрирует неуклонное сближение субъекта познания и человеческой личности, хотя субъект характеризуется совокупностью деятельностей и мерой их продуктивности, тогда как личность все же, – совокупностью общественных отношений [1, 247]. Вот почему познание связано с большинством человеческих (в том числе и негативных) качеств и способностей, многие из которых необходимы для гуманного существования человека как ценности и блага.

Учитывая данные обстоятельства – многогранность связи познания и истины

с другими формами и результатами человеческого духа – сегодня в науке используют понятие познавательной культуры [См.: 2]. Познавательная культура субъекта аккумулирует традиции, нормы, идеалы как обыденного, так и научного познания и, не сводясь к когнитивным аспектам познания, включает в себя также отображения его социальных факторов. По мере исторического оформления в своих основных содержательных элементах она обретает понятийную устойчивость благодаря детерминированности метафизической картиной мира, глубинным мировоззренческим, ментальным и этническим истокам. Обеспечивая познавательный процесс, эта культура содержит в себе схемы и нормы человеческой деятельности по производству знания, но индифферентна к объекту познания и не содержит самого этого знания.

Говоря о культуре вообще и познавательной культуре в частности в связи с цивилизационными эпохами, вслед за М. Билаловым мы придерживаемся широко распространенной концепции Д. Белла, согласно которой выделяются три основных исторических типов цивилизационного мироустройства: доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный. Не вдаваясь также в дискуссии последователей той или иной исторической типологии культуры – в философии истории Г. Гегеля, формационной теории К. Маркса, теории локальных цивилизаций О. Шпенглера и др., и в какой-то степени их обобщающей и противостоящей им осевой концепции культуры К. Ясперса, – мы будем исходить из общепризнанного в современной истории и теории культуры вывода – многообразия, присущего культуре каждого вышеперечисленного цивилизационного типа, и признания значимости в ней каждого культурного компонента – мифологии, религии, науки, литературы. Иными словами, по своим историческим типам познавательные культуры могут быть разбиты на доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную.

В этой связи уместно обратить внимание на такое познание, которое называется гуманитарным творчеством. В контексте нашей статьи примечателен такой ракурс осмысления этого творчества: «Под гуманитарным творчеством будем понимать духовное развитие и становление личности, формирующие аксиологический спектр ценностей (истина, добро, смысл, свобода), раскрывающие в субъекте креативные потенции и наполняющие личность сверхличностным содержанием» [3, 11].

Это единство креативного и порождения сверхличностного, в котором ведущие позиции занимает смысложизненные ценности, особо фиксируется в социогуманитарном познании и поиске истины.

В данной статье мы особо выделяем задачу обоснования неразрывной связи правды и истины со смыслом жизни – они и цель науки, и цель искусства, и идеал нравственных побуждений. Истина, говорил Г. Гегель, есть великое слово и еще более великий предмет. Мыслитель тем самым подчеркивает: отношение человека к истине не есть только гносеологическое отношение, оно выражает в какой-то мере человеческую суть, выражает другие ключевые связи и отношения в культуре. Так, по словам А.И. Герцена, уважение к истине – начало мудрости. За всю историю цивилизации наука и культура предложили множество путей искания истины. Для подвижников науки и искусства поиск истины всегда составлял смысл всей жизни. История помнит искателей истины, рискующих ради нее не только репутацией, но и жизнью, подвергавшихся травмам, обвинявшихся в шарлатанстве, умиравших в забвении. Такова была и есть судьба многих новаторов, искренних последователей научной истины, понимавших и убежденных в том, что истина и знание укоренены в жизни общества, играя в нем важную социальную, культурную и нравственно-психологическую роль. Ценность истины в социуме в исторических пределах неизмеримо велика, и она, при всех локальных и контрарных тенденциях, со временем только возрастает. Великие истины гуманизма, принципы социальной справедливости, как известно, оплачены кровью и смертью тех, кто искал правду и защищал интересы народа, для которого эти принципы и интересы составляли смысл его социокультурного существования.

Как само познание занимает в человеческом духе центральное положение, так и его основной и самый ценный результат – истина, оказывается ключевой ценностью, которой обусловлены иные смысложизненные идеалы человека. Кроме того, специфика познавательной культуры во многом детерминирована толкованием самого понятия истины. Отсюда следует, что многоликость смысложизненных ценностей культуры объясняется спецификой познавательной культуры, совокупностью познавательных способностей и их результатов как на индивидуальном, так и в эпохальном, историческом срезе. Например, Гаррет Томсон считает, что вопрос «что есть смысл жизни?» можно интерпрети-

ровать как идею, которая будет рассматриваться как истинное метафизическое повествование о жизни человека в целом, что и делает смысл нашей жизни. ... В этом понимании, смысл жизни – это мировоззрение, или метафизическое представление, которое показывает значение нашей жизни [12, 132-133].

Идея зависимости указанных ценностей и самого смысла жизни от познания и истины развивается еще античной культурой, понимавшей образование и воспитание личности не как подготовку профессионала, а как становление личности с устойчивыми ценностными структурами. Сократ понимает воспитание как познание смысла добродетели путем познания и самопознания, целью которых предстает отыскание истины. Причем речь не идет о некоем абсолютном знании (на тот же гегелевский манер), а о знании и истине, доступных человеку в диалоге, но придающих его бытию достаточный смысл.

Смысл жизни, счастье, другие экзистенциальные ценности человека несколькими магистральными путями завязаны на истине, опосредованы такими категориальными маркерами духовности, как добродетель, красота, справедливость, свобода, власть... Еще у Аристотеля истина рассматривается как высшая форма бытия. Человек, постигая истину, приближается к совершенному бытию. Но на этом пути много трудностей. Это видно из того, что никто не в состоянии достичь истины удовлетворительным образом, хотя каждый по мере своих возможностей и способностей добивается ее крупинцы, пусть мало, но добавляет к истине, но, когда усилия многих складываются, получается достойный человеческого познания результат – относительная истина. Подобным же образом в рамках онтологии к проблеме истины обращались в свое время Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий и другие деятели античной культуры. Параллельно происходил процесс осмысления в данной культуре гуманных качеств человека, которых «греки называли дружелюбием (Демокрит), человеколюбием (Аристотель), а римляне – человечностью (Цицерон)» [8, 395].

Уже в первой трактовке истины, основанной на принципе корреспонденции, как соответствие знания своему предмету, которую разделяли Аристотель, Фома Аквинский, Л. Фейербах, К. Маркс и другие философы, в том числе XX века, эта связь истины и экзистенциальных ценностей предполагается и фиксируется. Даже альтернативная концепция, построенная на принципе когеренции, – как соответ-

ствия знания имманентным характеристикам идеальной сферы (у Платона, Гегеля, Д. Юма) – также не толкует истину как изолированную от этических, эстетических, политических и иных культурных потребностей и интересов людей.

Не случайно в свете этой культурно-познавательной традиции проблема истины в истории западной мысли ставилась в двух разделах философии: онтологии и теории познания. При этом анализ понятия и проблемы истины не перестал быть основной задачей теории познания, логики и методологии. Ситуация не изменилась и тогда, когда большинство современных неклассических концепций истины: когерентная (О. Нейрат, Н. Решёр и др.), конвенциональная (А. Пуанкаре, Т. Кун, М. Полани и др.) и т.д. стремились осмысливать свой предмет в рамках теории познания, логики и методологии. Решение проблемы истины, которое было получено в пределах этих современных неклассических концепций истины, заключается в том, что происходит отказ от попыток согласования познающей мысли с объективной реальностью. При этом наука неизбежно прибегает к введению в качестве критерия истины такой «реалистической» констатации, которую нельзя полностью отождествить с рациональной формой классической научности. Примером такой закономерной и естественной констатации является «соглашение научного сообщества», предложенное А. Пуанкаре. Отказ от полной гносеологизации истины преследуется в решении проблемы истины, свойственном прагматизму. У. Джеймс, Ч. Пирс и др. проблематизируют истину в категориях полезности знания. Решение проблемы истины в прагматизме достигается в результате нейтрализации значимости такого критерия, как непосредственность соответствия теории и объективной реальности. Были и другие подходы к онтологизации истины и ее органического единения с этическими, эстетическими, политическими и другими ценностями культуры.

Все это свидетельствует о том, что исторические концепции истины определяют интерес к исследованию смысла истины как основы человеческого бытия. Хотя многими «дух абстракции», внедряемый наукой, связывается с уничтожением личностных ценностей, поскольку «превосходство науки состоит в том, что она для всех», но этому превосходству, как писал Г. Марсель, «сопутствует тяжкое метафизическое возмездие» [6, 80]. Надо полагать, суть этого возмездия – в гносеологизации истины, в философско-ме-

тафизическом ее обеднении. Но, к чести Г. Марселя, он и его соратники по экзистенциализму акцентировали внимание на исследовании роли научной истины для индивида и общества. Таковыми предстают попытки осмыслить истину, предпринимаемые не только в рамках экзистенциализма (Л. Шестов, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр и др.), но и аналитической философии языка «позднего» Витгенштейна, феноменологии «позднего» Гуссерля, постструктурализма (Ж. Делёз, Ж. Деррида, М. Фуко, Ж.-Л. Нанси и др.) и т.д. – все эти попытки осуществлены в контексте онтологических оснований проблемы, предполагающих учет в ней социокультурных факторов человеческого бытия.

Но и онтологический, и гносеологический моменты познания находятся в диалектическом единстве, которое все отчетливее проявляется ныне, когда на первый план в философии и теории культуры выдвигается экзистенциальная проблематика [6, 78]. Хотя понятие истины, как было показано, человечество в науке всегда так или иначе, в той или иной пропорции соединялось с эстетическими и этическими понятиями. И зависимость смысложизненных ценностей от познавательной культуры человека проявлялась в зависимости в первую очередь от правды и искренности. Причем эта связь осуществлялась в обоих направлениях. Обратное направление зафиксировал, скажем, А. Швейцер, считавший, что нельзя стать подлинно нравственной личностью, не стремясь «стать истинно мыслящим» [11, 305]. Очевидна установка на зависимость смысложизненных ценностей от познавательных устремлений человека к истине.

«Правда» в народной, религиозной и философской культуре – узловое синтетическое понятие, выступающее синонимом слов: закон, истина, правило, справедливость. Их духовно-практические истоки различны. Во многих культурах распространено понимание и принятие правды как итога и результата общения человека с Богом, правда соотносится с божественным началом в отличие от истины как соответствия действительности, как результата человеческого размышления. Об этом свидетельствуют многие священные книги разных вероисповеданий, скажем, Псалтырь: истина «от земли восходит», правда же «с небес принимается» [8, 235]. Хотя все движение человеческого разума и истории культуры и науки оказывалось направленным на достижение этой божественной и возвышенной Истины, несмотря на одновременные попытки упростить кате-

горию истины, спустив с неба на землю в интересах практического, технического и общественного прогресса. При этом десакрализация правды сопровождалась обнаруживанием ее тесной связи с проблемой смысла жизни. «Именно поиски правды о сущем и должном, нравственной правды и представляли смысл жизни в трактовке многих русских мыслителей» [4, 220].

И у этой трактовки есть глубинные исторические истоки, в которых такие цели и функции русской культуры, как ее устремленность к сакральному, идеалам самосовершенствования личности в единстве с самопознанием целостны и нерасчленимы. И это предстает фундаментальным основанием зависимости смысложизненных ценностей от познавательной культуры человека. Русская познавательная культура предстает, как правильно подмечено, как культура специфического мировоззренческого типа, субъекты которой являются носителями особого культурного кода, русской культурной доминанты, в свою очередь, «носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности». Эта идентичность предстает ныне как «цивилизационная идентичность» [10] России. И эта культурная идентичность богата интегрированием познания и экзистенциальных ценностей. Можно согласиться, что «самосовершенствование как одна из основных универсалий русской культуры обусловила целеустремленность этой культуры, ее способность к постановке целей, причем целей за пределами мира видимого, одной из которых выступает святость. Обратной стороной универсалии самосовершенствования в русской культуре стало стремление в ней к самопознанию» [7].

Но реальная проблема истины и правды применительно к положению человека в социальной системе более сложна. Если сакральная связь истины и правды возвышала их до основной смысложизненной ценности, то современное общество во всем мире нередко имеет дело не с Истиной, а с многочисленными и соперничающими представлениями об удобных, модных, полезных, научных истинах, которые чаще всего называют «правдами». Подобные метаморфозы в соотношениях этих понятий не столько проясняют, сколько уточняют их сложную связь. Понятие «правда» имеет явно выраженный социальный смысл, связано с признанием соответствующего утверждения социально-значимым, полезным, необходимым,

соответствующим требованиям некоторой социальной нормы. Это значит, что статус правды имеет не какой-либо факт, событие и т.п., а его общественное значение, его интерпретация. Это обстоятельство подводит к важному различию между понятиями истины и правды. Истина всегда объективна, а правда – нет. Истина – одна и едина, тогда как каждый человек имеет свою правду, и часто он считает свою правду истиной, с которой другие люди должны безоговорочно соглашаться.

В соотношении истины и правды значительную ясность вносит вопрос о правде и лжи. Правда – это субъективная истина, то, что человек считает истиной. Но часто мы специально лжем, считая, что ложь поможет нам решить проблему. По своим побуждениям различают ложь или обман прикрывающую, посягающую, приукрашивающую, компрометирующую и т.д. Не секрет, что неотъемлемым, зачастую нравственным элементом культуры всех народов является ложь или неправда как непреднамеренное, произвольное заблуждение и преднамеренная ложь, как антипод правды. И как отмечал еще Кант, «умалчивание» может рассматриваться либо ложью, либо неправдой. По мысли И. Канта, когда мы обещаем открыть некую истину и формулируем ложное утверждение – мы творим ложь; в том же случае, когда нас принуждают открыться, побуждают к откровению, не имея на это соответствующего права – наше молчание или уклончивый ответ явятся всего лишь неправдой [8, 237].

Таким образом, заключая статью, мы фиксируем в качестве основных выводов следующее. В процессе познания основные смысложизненные ценности и идеалы формируются как его неотъемлемый компонент и результат, детерминируются познавательной культурой, фиксирующей многогранность связи познания и истины с другими формами и результатами человеческого духа. Единство креативного и порождения сверхличностного, в котором ведущие позиции занимают смысложизненные ценности, особо фиксируется в социогуманитарном познании. Особой значимостью для достижения цели статьи обладает обоснование неразрывной связи правды и истины со смыслом жизни. Известные из эпистемологии концепции истины определяют интерес к исследованию смысла истины как основы человеческого бытия. В них при всех попытках достижения объективности и наиндивидуальности познания не происходит уничтожение личностных ценностей. А по-

нятие «правда» имеет явно выраженный социальный смысл, связано с признанием соответствующего утверждения социально-значимым, полезным, необходимым, соответствующим требованиям нравственных установок на постижение смысложизненных идеалов.

Список литературы

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. – М., 1977.
2. Билалов М.И. Истина. Знание. Убеждение. Ростов-на-Дону, 1990; его же: Проблемы истины в познавательной культуре. – Махачкала, 1991; его же: Культура постижения истины. – Махачкала, 1993; его же: Познавательная культура как феномен национального самосознания // Этнические процессы накануне XXI века. – Ставрополь, 1998; его же: Элементы познавательной культуры в исламе и христианстве // Философия и современность: мысли, понятия, идеи. – Уфа, 1999; его же: К моделированию понятия «познавательная культура» // Достижения и современные проблемы развития науки в Дагестане. – Махачкала, 2001; его же: Философия суфизма о человеческом познании // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2001. – № 3; его же: Суфизм: познание как слияние с богом // Труды членов РФО. – М., 2002; его же: Гносеологические идеи в структуре религиозного сознания. – М., 2003; его же: Суфизм и познавательная культура. – Махачкала, 2003; его же: О содержании и сущности познавательной культуры // Труды членов РФО, Вып. 9. – М., 2004; его же: Познавательная культура // Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. – М.-СПб.-Нью-Йорк, 2006; его же: Цивилизационные метаморфозы познавательной культуры. – М., 2008 и др.
3. Блоховцова Г.Г. Социокультурный потенциал гуманитарного творчества в искусстве, науке и образовании: автореф. дис. ...канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2011.
4. Глушакова С.И. Смысл жизни в русской религиозно-нравственной философии права (вторая половина XIX – начало XX в.) // XXI век: будущее России в философском измерении: Материалы Второго Российского философского конгресса (7–11 июня 1999 г.): В 4 т. Т.4: Философия духовности, образования, религии. Ч.2. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
5. Ласточкин Б.А. Два аспекта познавательной деятельности // Проблемы познания социальной реальности. – М., 1990.
6. Марсель Г. Трагическая мудрость философии. – М., 1995.
7. Моргачева А.В. Русская культура: влияние монашества на формирование ее универсалий: автореф. дис. ...канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2011.
8. Новейший философский словарь; под ред. Кондрашова В.А. – Ростов-на-Дону, 2005.
9. Рубанцова Т.А. Формирование ценностей гуманизма в античности // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: материалы Третьего Российского Философского конгресса (16–20 сентября 2002 г.). В 3 т. Т.2: История древней и средневековой философии, история философии Нового и новейшего времени, Русская философия, философия Востока, философия культуры, этика, эстетика. Коллоквиумы. Круглые столы. – Ростов н/Д; Изд-во СКНЦ ВШ, 2002.
10. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета от 23 января 2012.
11. Швейцер А. Культура и этика. – М., 1973.
12. Garrett Thomson. On the Meaning of Life .South Melbourne. – Australia: Thomson, 2003.

References

1. Anan'ev B.G. O problemax sovremennogo chelovekoz-naniya. M., 1977.
2. Bilalov M.I. Istina. Znanie. Ubezhdenie. Rostov-na-Donu, 1990; ego zhe: Problemy istiny v poznavatel'noj kul'ture. Maxachkala, 1991; ego zhe: Kul'tura postizheniya istiny. Maxachkala, 1993; ego zhe: Poznavatel'naya kul'tura kak fenomen nacional'nogo samosozna-niya//E'tnicheskie processy nakanune XXI veka. Stavropol', 1998; ego zhe: E'lementy poznavatel'noj kul'tury v islame i xristianstve // Filosofiya i sovremennost': mysli, ponyatiya, idei. Ufa, 1999; ego zhe: K modelirovaniyu ponyatiya «poznavatel'naya kul'tura» // Dostizheniya i sovremennye problemy razvitiya nauki v Dagestane. Maxachkala, 2001; ego zhe: Filosofiya sufizma o chelovecheskom poznanii // Izvestiya vysshix uchebnyx zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshestvennye nauki, 2001, № 3; ego zhe: Sufizm: poznanie kak sliyanie s bo-gom // Trudy chlenov RFO.M., 2002; ego zhe: Gnoseologicheskie idei v strukture religioznogo soznaniya. M., 2003; ego zhe: Sufizm i poznavatel'naya kul'tura. Maxachkala, 2003; ego zhe: O sodержanii i sushhnosti poznavatel'noj kul'tury // Trudy chlenov RFO, vyp.9. M., 2004; ego zhe: Poznavatel'naya kul'tura // Globalistika. Mezhdunarodnyj mezhdisciplinarnyj e'nciklopedicheskij slovar'. Moskva-Sankt-Peterburg-N'yu-Jork, 2006; ego zhe: Civilizacionnye metamorfozy poznavatel'noj kul'tury. M., 2008 i dr.
3. Bloxovcova G.G. Sociokul'turnyj potencial gumanitarnogo tvorchestva v iskusstve, nauke i obrazovanii. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskix nauk. Rostov-na-Donu, 2011.
4. Glushakova S.I. Smysl zhizni v russoj religiozno-nravstvennoj filosofii prava (vtoraya polovina XIX-nachaloXX v.) // XXI vek: budushhee Rossii v filosofskom izmerenii: Materialy Vtorogo Rossijskogo filosofskogo kongressa (7-11 iyunya 1999 g.): Vol. 4 t. T.4: Filosofiya duxovnosti, obrazovaniya, religii. Ch.2. –Ekaterinburg.: Izd-vo Ural.un-ta, 1999.
5. Lastochkin B.A. Dva aspekta poznavatel'noj deyatel'nosti//Problemy poznaniya social'noj real'nosti. M., 1990.
6. Marsel' G. Tragicheskaya mudrost' filosofii. M., 1995.
7. Morgacheva A.V. Russkaya kul'tura: vliyanie monashestva na formirovanie ee universalij. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskix nauk. Rostov-na-Donu, 2011.
8. Novejsij filosofskij slovar' pod red. Kondrashova V.A. Rostov-na-Donu, 2005.
9. Rubancova T.A. Formirovanie cennostej gumanizma v antichnosti//Racionalizm i kul'tura na poroge tret'ego tysyacheletiya: Materialy Tret'ego Rossijskogo Filosofskogo kongressa (16-20 sentyabrya 2002 g.). Vol. 3 t. T.2: Istoriya drevnej i srednevekovoj filosofii, istoriya filosofii Novogo i novejshego vremeni, Russkaya filosofiya, filosofiya Vostoka, filosofiya kul'tury, e'tika, e'stetika. Kollokviumy. Kruglye stoly. Rostov n/D; Izd-vo SKNC VSh. 2002.
10. Putin V.V. Rossiya: nacional'nyj vopros// «Nezavisimaya gazeta» ot 23 yanvarya 2012.
11. Shvejcer A. Kul'tura i e'tika. M., 1973.
12. Garrett Thomson. On the Meaning of Life. South Melbourne, Australia: Thomson, 2003.

Рецензенты:

Абакарова Р.М., д.филос.н., профессор, ФБГОУ ВПО «Дагестанский государственный университет» Министерства образования и науки РФ, г. Махачкала;

Бутгаева А.М., д.филос.н., профессор, ФБГОУ ВПО «Дагестанский государственный университет» Министерства образования и науки РФ, г. Махачкала.

Работа поступила в редакцию 24.05.2013.